

**«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ВЕРНУЛ НАМ РИТОРИКУ».
ПАМЯТИ ТОМАСА ГРИГОРЬЕВИЧА ХАЗАГЕРОВА**

Город Ростов-на-Дону, улица Большая Садовая, дом 148. Этот дом – памятник регионального значения. Рядом махина советского функционализма, высотка с черными окнами «гармошкой», напротив – бывший «Интурист». В Ростове-на-Дону дом № 148 по улице Большой Садовой известен как «особняк Чалхушьяна». Этот особняк в самом начале XX в. донской помещик Степаненко строил в подарок своей жене. Роскошный дом: внутри мрамор, лепнина. Когда строительство подходило к концу, любимая жена помещика умерла. Степаненко продал дом, уехал в Париж, молниеносно спустил свое состояние и застрелился. Ничего больше не хотел, так сильно любил свою жену. От этой большой любви появился дом № 148.

Григорий Чалхушьян был известным ростовским юристом, оратором, общественным деятелем и публицистом. И родным дедушкой Томаса Григорьевича Хазагерова, сыгравшим важную роль в воспитании внука и, конечно, в его увлечении риторикой. Это ему, деду Томаса Григорьевича, продал дом овдовевший помещик.

Доктор филологических наук, профессор Георгий Георгиевич Хазагеров, еще один представитель славной академической династии, так рассказывает о доме своего прадеда Григория Чалхушьяна: «Моя бабушка, дочь Григория Чалхушьяна, мой дядя Томас Григорьевич и я – мы тоже жили в этом доме. Но уже в коммуналке: дом, конечно, “уплотнили”. Тяжелая вещь коммуналка. Маленькая комнатка, а еще эта мысль “тебя загнали в уголок в твоём собственном доме, в доме твоего отца”. Кажется, можно сойти с ума, но бабушка никогда не говорила об этом в таком духе. Более того, она воспитала сына и внука так, что у нас никогда не было никакого ощущения стесненности. Дома всегда было хорошо. Я свободно бегал по всем этажам – вверх, вниз, во двор – ребенку по определению весь мир принадлежит без остатка. Томас Григорьевич очень любил этот дом. Впоследствии он вынужденно переехал в новую квартиру и очень остро переживал свою потерю. Пожалуй, единственное материальное, к чему он был привязан – этот дом. Потому что, в сущности, это не совсем материальное. “Дом – богово тело”, – так он любил говорить».

Томас Григорьевич Хазагеров родился 19 октября 1927 г. Природа щедро одарила этого человека. Он мог стать медиком, химиком или математиком. Почти год Томас Хазагеров учился в мединституте, но раскрылось, что парню нет 16-ти лет. Потом был технический институт, потом еще пара вузов, а потом «гены взяли свое» – он стал филологом. Понятно: бабушка – юрист, оратор, дореволюционное классическое филологическое образование матери, родная сестра которой Сусанна Мар – поэтесса Серебряного века. Томас Григорьевич окончил филологиче-

ский факультет Ростовского госуниверситета и романо-германское отделение ростовского пединститута.

В аспирантуре Московского государственного университета Томас Хазагеров учился у Петра Саввича Кузнецова, известного лингвиста, одного из основателей Московской фонологической школы, а время проводил в компании, куда заглядывали Ахматова и Пастернак. Потом был структурализм, интеллектуальным кумиром Томаса Григорьевича на долгие годы стал Роман Jakobson. И навсегда осталась склонность к естественным и техническим наукам. Георгий Георгиевич вспоминает: «Если честно, большую часть жизни мы провели за разговорами о теории большого взрыва. И, конечно, Федоров, Вернадский, русский космизм, фрактальность. “Мир есть причина самого себя”, “когда вселенная начала расширяться, в ней уже содержалась информация о том, что из этого получится” – вокруг подобных вопросов вращались наши разговоры. И, конечно, риторика. Мы все время спорили, как классифицировать риторические фигуры».

С 1963 г. жизнь Томаса Григорьевича была связана с филологическим факультетом РГУ. Он преподавал латинский, санскрит, вел спецкурсы по социолингвистике, читал курс «Введение в романо-германскую филологию» и лекции по всем разделам русского языка. Сложно обозначить круг научных интересов Томаса Григорьевича, настолько они были обширны. С одной стороны, античность, которой он всегда был увлечен, с другой – компьютерная лингвистика – проект, который был реализован им в 1980-е годы на филфаке РГУ. В этом широком диапазоне интересов можно выделить два важных направления – акцентология и риторика.

Работы Томаса Григорьевича по акцентологии посвящены исследованию «способности ударения варьировать единицы содержания»; докторская диссертация «Подвижное ударение в современном русском словоизменении» – изучению «акцентных сдвигов» с точки зрения структурного и функционального подходов к характеристике подвижного ударения. Завершением многолетних изысканий в этой области стала монография «Ударение в русском словоизменении» 1985 г. С этой же, семиотической по сути, оптикой Томас Григорьевич подошел к своему главному делу – к риторике. Томас Григорьевич стал одним из тех ученых, кто возродил риторические исследования в России после почти столетнего перерыва. Так об этом рассказывает Наталья Марковна Щаренская, ученица Хазагерова, доцент кафедры русского языка нашего университета: «У риторики тяжелая судьба. XIX век недолюбливал риторику из-за ее противоречия идее индивидуального стиля. Готовые рецепты по производству текста? Романтизм этого не поощрял. В XX веке риторика мешала советской индоктринации: нет демократии – нет риторики. А значит, страдала и стилистика. Если вы откроете словари советской эпохи, то найдете там не больше трех терминов – метафору, метонимию, синекдоху, а анафору уже встретите не везде. Томас Григорьевич был для нас, как принято сегодня говорить, интеллектуаль-

ным трендсеттером, он задавал тренды, опережал окружающих. Еще в 1970-е Томас Григорьевич начал заниматься риторикой, а риторический бум случился только в 1990-е. Тогда, в 1970-е, это политкорректно называлось “экспрессивной стилистикой”. Я не сильно преувеличу, если скажу, что Томас Григорьевич – это человек, который вернул нам риторику. Вся кафедра начала этим жить, ведь это открыло новый ракурс в исследованиях языка художественных текстов. Совсем скоро гуманитарии из разных уголков страны начали приезжать в Ростов на конференции, посвященные экспрессивной стилистике. На карте университетской России РГУ обозначился как центр научного притяжения».

«Общая риторика» (1994 г.) стала основным трудом Томаса Григорьевича в этом направлении. Задачи этой работы сам автор определил так: научить «собирать» фигуры по существующим схемам и принципам; применять их с точки зрения практической ценности и, самое главное, – правильно «вмонтировать» их в текст; не подгонять мысли под фразу, а думать о том, какой изобразительный и выразительный эффект нужно придать высказыванию и с какой целью. Идеи Томаса Григорьевича – о закономерной связи между типом текста и приемами изобразительности и выразительности, о существенном различии между коммуникативной и экспрессивной стилистикой – будут развивать его ученики. Георгий Георгиевич Хазагеров рассказывает: «Я думал, на наш век задача – систематизировать фигуры. У нас с Томасом Григорьевичем был семиотический подход. Но я много занимался риторикой на практике и понял, что у самих древних подход был иной. Риторика воспринималась как социальная практика. Фигуры распределялись по принципу “что важно – тому больше места”. Древние тоже любили каталогизировать. Но если брать их трактаты по риторике, это были скорее функциональные каталоги. Не механическая систематизация и не способ концептуализировать реальность. Понятно, ведь в космосе древнего мира упорядочивать – это дело Прокруста. Так что особое внимание уделялось какому-то тропу или фигуре не потому, что это элемент иерархии, а потому, что это важно для жизни. Все это было очень живое, так что даже среди тропов и фигур у них были свои любимцы. Просопопея, олицетворение, по нашей логике – это часть метафоры, но почему у древних греков она названа и рассматривается отдельно? Просто потому, что “это важно”, потому что “об этом стоит поговорить”. Когда я был студентом, никакой риторики не было, была только стилистика и Розенталь, выделявший несколько фигур. Еще было понятие изобразительно-выразительного средства, которое выводилось за пределы функциональной стилистики. Я писал курсовую работу по творительному падежу и столкнулся с конструкцией “волна за волной бегут и шумят торопливо”. Что это за значение падежа? Что за конструкция? В университете мне никто ответить не смог, и я начал говорить об этом дома. Томас Григорьевич сказал мне: “Так это же полиптот! Правнук оратора, а не знаешь таких элементарных вещей. Стыдно”. С тех пор я начал заниматься риторикой».

Вернемся на Большую Садовую, 148. Многие ученики и коллеги бывали в квартире профессора и помнят его замечательную библиотеку. «У нас был огромный книжный шкаф, – вспоминает Георгий Георгиевич. – Но наш шкаф был как проходной двор. Была даже книжка, подаренная Анной Ахматовой, но теперь уже нет, кто-то “зачитал”. Центр города, коммуналка – двери никогда не запирались. Бабушку мы приобщили к Окуджаве, и она у нас говорила: “Дверям закрытым грош цена, замку цена – копейка”. Если серьезно, ничто материальное, а книга – это материальное, Томаса Григорьевича не интересовало. Вот вопросы большого взрыва, фрактальность, полиптот – это другое дело. Однажды ночью в нашу коммуналку приходил бандит, угрожал дяде оружием. Но Томас Григорьевич был очень интересный человек. С одной стороны, осторожный, деликатный, спорить не любил, старался лишний раз не вмешиваться в дела вселенной, но в бытовом смысле – совершенно бесстрашный. Говорит бандиту: “Денег нет, но есть отличная пишущая машинка. Я вам ее, конечно, не отдам, ноогрею вас с ее помощью основательно”. Бандит все понял и ушел.

“Всегда надо идти навстречу опасности” – это был наш девиз. Нет опасности – никого не трогай, есть – иди туда первым. Это иногда принимало невероятные формы. Я помню, какая-то беда приключилась на химическом комбинате и по радио говорят: “Будьте осторожны! Сидите дома, закройте окна!” Только Томас Григорьевич это услышал, говорит: “Собирайся, идем гулять”. Я собрался довольно быстро: уже знал, что время от времени надо ходить навстречу опасности. Он верил в судьбу, говорил, что “все случится тогда, когда судьбой уготовано”. Наверное, потому так любил и ценил Окуджаву. Ведь что такое Окуджава? Понятие о чести и фортуне – из XVIII в. Индивидуальная жизнь. Диковинный человек, который собственным масштабом свою жизнь расцветивает. Творимый мирок, который больше, чем огромный мир. Да, это похоже на Томаса Григорьевича».

Все случилось 24 декабря 1998 года. Томаса Григорьевича не стало. Он был деятелен и увлечен работой до последних минут. На его рабочем столе среди прочих бумаг остались учебные планы для лицеев, где планировалось изучение языков Северного Кавказа. В одном из них Томас Григорьевич собирался преподавать осетинский.

*Е.С. Максимова,
научный сотрудник,
Южный федеральный университет*